

Названия боярышника и крушины в финно-пермских языках

И. В. Бродский

*Российский государственный университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
kodima@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Фитонимия – важная лексико-семантическая группа именной лексики, изучение которой существенно не только для лингвистики, но и других дисциплин (истории, этнографии). В данной работе автор исследует названия двух кустарников – боярышника и крушины в финно-пермских языках, представляющих собой одну из основных ветвей финно-угорских языков, исключая угорские языки (обско-угорские и венгерский).

Цель данной статьи состоит в описании народных названий боярышника и крушины в финно-пермских языках, определении их этимологии, выявлении семантических моделей сложных фитонимов.

Материалы исследования. Всего в данной работе рассмотрено более сотни народных фитонимов, большая часть которых – сложные по форме существительные, обычно состоящие из двух или трёх компонентов. Лексический материал для исследования взят из ряда печатных источников – как лексикографических работ, так и научных статей. Для удобства семантического анализа фитонимы объединены в лексико-семантические гнезда.

Результаты и научная новизна. Выявлено, что в финно-пермской языковой ветки существует более ста различных наименований боярышника и крушины, как простых, так и сложных по форме. Среди них имеется также ряд заимствований и слов, относящихся к лексике древнего происхождения. Рассмотрена этимология фитонимов, способы их словообразования (суффиксация или словосложение). Определены и систематизированы семантические модели, в соответствии с которыми образуются сложные названия кустарников, общие для двух или нескольких языков. В составе таких моделей в качестве определительных компонентов встречаются названия мест произрастания, веществ, различных животных.

Сравнительное исследование названий боярышника и крушины на материале финно-пермских языков проводится впервые.

Ключевые слова: финно-угорские языки, финно-пермские языки, лексика, фитонимы, боярышник, крушина.

Благодарности: данная работа выполнена при финансовой поддержке Минпросвещения России в рамках государственного задания по теме «Идеографическое представление лексики языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: концепция, методика, лексикографическая практика», а также Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в рамках проекта «Финно-угорская фитонимия. Сравнительное исследование», получившего поддержку по итогам Конкурса на выполнение перспективных фундаментальных научно-исследовательских работ молодыми учёными РГПУ им. А. И. Герцена 2021 г.

Для цитирования: Бродский И. В. Названия боярышника и крушины в финно-пермских языках // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 224–232.

Names of hawthorn and buckthorn in the Finno-Permian languages

I. V. Brodsky

*A. Herzen Russian State Pedagogical University,
Saint-Petersburg, Russian Federation,
kodima@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: phytonymy is an important lexical-semantic group of nominal vocabulary, the study of which is essential not only for linguistics, but also for other disciplines (history, ethnography). In this paper the author studies the names of two bushes – hawthorn and buckthorn – in the Finno-Permian languages, which are one of the main branches of the Finno-Ugric language group, excluding the Ugric languages (Ob-Ugric and Hungarian).

Objective: to describe the folk names of hawthorn and buckthorn in the Finno-Permian languages, to determine their etymology, and to identify the semantic models of composite phytonyms.

Research materials: more than a hundred folk phytonyms, most of which are composite nouns, usually consisting of two or three components. The lexical material for the study is collected from a number of printed sources, both lexicographical works and scientific articles. For the convenience of semantic analysis, phytonyms are combined into lexical-semantic clusters.

Results and novelty of the research: it has been revealed that in the Finno-Permian language branch there are more than a hundred different names for hawthorn and buckthorn, both simple and composite. Among them there are also a number of

loanwords and words belonging to the lexicon of ancient origin. The etymology of phytonyms and the ways of their word formation (suffixation or compounding) are considered. Semantic models, according to which complex names of bushes, common for two or several languages, are formed, have been defined and systematized. Such models include names of places of growth, substances, and various animals as determinative components.

A comparative study of the names of hawthorn and buckthorn in the Finno-Permian languages is carried out for the first time.

Key words: Finno-Ugric languages, Finno-Permian languages, vocabulary, phytonyms, hawthorn, buckthorn.

Acknowledgements: This research was supported by the Ministry of Education of the Russian Federation as part of a state task (project «Ideographic Representation of Vocabulary in the Languages of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia: Concept, Methodology, and Lexicographical Practice»), as well as the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen in the framework of the project «Finno-Ugric phytonymy. Comparative Study», which received support following the results of the Competition for the Implementation of Promising Fundamental Research Works by Young Scientists of the A. Herzen Russian State Pedagogical University, 2021.

For citation: Brodsky I. V. Names of hawthorn and buckthorn in the Finno-Permic Languages // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (2): 224–232.

Введение

Предлагаемая работа посвящена рассмотрению народных названий двух кустарников (боярышника и крушины) в финно-пермских языках – одной из двух основных ветвей финно-угорских языков. Это вызвано тем, что носители языков данной ветви проживают в сходных природно-климатических условиях.

Лексика флоры финского и эстонского языков достаточно хорошо собрана и изучена. Исследованием фитонимии на материале отдельных языков занимались, в частности, П. Сухонен [21], Г. Вилбасте [23], Ю. Коппалева [6], А. Н. Ракин [9; 10], при этом изучение названий растений в финно-пермских языках в сравнительном аспекте до сих пор проводилось редко; по этой теме имеется монография автора данной работы [2]. Подобные исследования посвящены, в основном, названиям деревьев в связи с выяснением исторической прародины финно-угорских и уральских народов. К ним, в частности, относятся работы И. Шебештьен [20] и П. Хайду [13]. Сравнительное изучение фитонимов в родственных языках значимо не только для лингвистики: оно имеет выходы в области истории, этнографии и других дисциплин.

Материалы и методы

Данная статья написана на материале фитонимии языков финно-пермской ветви (прибалтийско-финских, мордовских, марийского и пермских). Всего нами рассмотрено более сотни народных названий боярышника и крушины, взятых из печатных источников: лексикографических работ, научных монографий и статей; использовано св. сорока изданий.

Среди использованных лексикографических источников выделяются своим объёмом словари фитонимов П. Сухонена [21] и Г. Вилбасте [23], Х. Паасонена [18], а также А. Н. Ракина [10]; не-

которое количество фитонимов взято нами из других изданий, в т. ч. из новейших этимологических словарей финского [22] и эстонского [14] языков. Другими ценными источниками лексики были монографии, в частности, Ю. Э. Коппалевой [6], и научные статьи – И. Шебештьен [20], А. Н. Ракина [9], А. С. Лобановой [7], В. Колосовой с соавторами [16; 17]. Среди рассмотренных нами фитонимов преобладает лексика прибалтийско-финского происхождения: причина этого в том, что диалектная лексика флоры других родственных языков представлена в использованных нами изданиях в значительно меньшем количестве.

Отбор лексического материала проводился методом сплошной выборки в лексикографических и иных печатных источниках – статьях и монографиях. Изучение лексики флоры проводилось преимущественно описательным и сравнительно-историческим методами, в ряде случаев использовались ареальный метод, методы компонентного и семантического анализа.

Результаты

Названия боярышника и крушины даны далее систематически по отдельным ветвям финно-пермских языков (прибалтийско-финская, мордовская, марийская и пермская) и распределены по лексико-семантическим гнездам, каждому из которых для удобства навигации и сравнения присвоен отдельный номер. В примечаниях к гнездам рассматриваются этимологии названий, особенности номинации растений. Внутри каждой языковой ветви названия даны в алфавитном порядке.

Транскрипция представленных фитонимов точно соответствует транскрипции источников.

Боярышник (*Crataegus*)

Боярышник – кустарниковое растение со съедобными плодами, распространённое преимущественно в умеренном поясе и произрастающее на

территории всего финно-пермского языкового ареала. По-видимому, это обуславливает многочисленность и пестроту его названий; большая их часть сосредоточена в прибалтийско-финских языках.

Плоды боярышника имеют лекарственные свойства. Хозяйственное применение находила кора боярышника – финно-угорскими народами она использовалась как дубильное средство, хотя и реже, чем ивовая либо дубовая кора, а также для окраски тканей в красный цвет. Ещё одна область применения боярышника – пищевая: прибалтийско-финские народы добавляли его размолотые плоды в тесто или в начинку пирогов. Против ожидания, в номинации боярышника в финно-пермских языках признак цвета плодов или цветков не учитывается; наиболее значимыми же оказываются признаки наличия шипов, а также внешней схожести с другими кустарниками.

Прибалтийско-финские названия боярышника

(1) фин. *ora*||*pihlaja*

Букв. ‘рябина с шипами’; это название – результат номинации растения по двум отличительным признакам: внешний вид гроздьев ягод напоминает рябину, кроме того, на ветвях растения есть шипы.

(2) фин. диал. *rojarka* < рус. диал. *боярка*

(3) эст. *hekk*||*mari*

Букв. ‘живая изгородь-ягода’

Это название связано с декоративным и хозяйственным использованием растения (эст. *eki*, *hekk* < нем. *Hecke* ‘живая изгородь’).

(4) эст. *jahu*||*mari*

Букв. ‘мучная ягода’.

Эст. *jahu*||*mari* – возможная калька нем. *Mehlbeere* ‘боярышник’, букв. ‘мучная ягода’, ср. также нем. *Mehldorn* ‘боярышник’. В основе этих названий – мучнистая консистенция ягод боярышника.

(5) эст. *jooksval*||*puu*

Букв. ‘дерево [от] ломоты’, ср. эст. *jooksval* ‘ломота’.

Данное название стало результатом номинации боярышника по признаку наличия у него лекарственных свойств.

(6) эст. *kihvti*||*marjad*

Букв. ‘ядовитые ягоды’.

Боярышник сам по себе не является ядовитым растением, и поэтому мы предполагаем перенос названия с другого похожего растения. Эстонское название *kihvti*||*mari* относится также к ряду в разной степени ядовитых растений – бузине, вороньему глазу и паслёну; возможно, оно было перенесено на боярышника с кустарниковой бузины.

(7) эст. *kradeius*, *kradeekused*, *krataagus*, *krateekus* < лат. *crataegus* ‘боярышник’.

Очевидно, первоначально данный фитоним заимствован из латинского языка и перешёл затем в отдельные говоры.

(8) эст. *kuradi*||*puu*

Букв. ‘чёртово дерево’. По-видимому, фитоним представляет собой продукт народной этимологии, развившийся из предыдущего гнезда (*kradeius* и др.).

(9) эст. *leiva*||*marjad*, *levä*||*puu*

Букв. ‘хлебные ягоды’, ‘хлебное дерево’. Размолотые ягоды боярышника использовались прибалтийско-финскими народами в качестве добавки в муку при выпечке хлеба.

(10) эст. *luite*||*puu*, *luu*||*puu*

Букв. ‘дерево костей (косточек)’, ‘кость-дерево’; по-видимому, эллиптическая форма. Первоначально ‘дерево ягод (плодов) с косточками’ (ср. *kont*||*mari*||*puu*). Подобные эллиптические формы, употребляющиеся параллельно с полными, имеются среди сложных фитонимов практически всех финно-пермских языков.

(11) эст. *mets*||*viina*||*mari*

Букв. ‘лесная винная ягода’.

Это название связано с тем, что ягоды боярышника использовались для производства алкогольных настоек.

(12) эст. *mürgi*||*mari*

Букв. ‘ядовитая ягода’. О значении см. выше (*kihvti*||*marjad*); вероятнее всего, название перенесено с бузины.

(13) эст. *mäha*||*mari*, *mähk(e)*||*mari*, *mähk(e)*||*marjad*

Букв. ‘мезга-ягода’ (‘каша-ягода’). В ряде говоров эстонского языка это же название встречается у целого ряда кустарников и кустарничков, в частности, к толокнянке, рябине шведской и смородине альпийской. Ср. вод. *mähtsä*||*marja* ‘крушина’, букв. ‘каша-ягода’

(14) эст. *oga*||*puu*, *ora*||*puu*

Букв. ‘дерево с шипами’. В основе этого названия лежит признак наличия у растения шипов.

(15) эст. *roop*||*puu*

Фитоним встречается только на западе о-ва Сааремаа. Основное, наиболее распространённое значение – ‘рябина шведская’, которое перенесено на боярышник. Другие подобные эстонские названия: *roobus*, *piip*||*puu*, *koop*||*puu*. Происхождение неясно; территориальная дистрибуция и отсутствие этимологизации на эстонской почве указывает, скорее, на заимствование. *Piip*||*puu*, букв.

‘трубка-ягода’ – по-видимому, результат народной этимологии (фиксируется лишь в одном говоре).

(16) эст. *türn, türm*||*puu, türna*||*buu, türna*||*pu(u), türnap, tirn, tirn*||*puu*

Это название является шведским заимствованием (шв. диал. *tyrni, tyrne, tyrn-baskar*, др.-шв. *þyrnir* ‘*Hippophaë rhamnoides*’); шведское слово мотивировано *torn* (др.-шв. *þorn*) ‘шип’, ср. также нем. *Dorn*.

(17) эст. *viir*||*puu, wüir*||*pu*

Другое значение фитонима – ‘крушина’. Старейшую фиксацию этого названия находим у Й. Фишера [15, 511] (*wüir*||*pu*). Фитоним появился в результате ослабления и выпадения *h* из форм *viher*||*puu, veher*||*puu, vihur*||*puu*, основное значение которых ‘жостер слабительный’, ‘крушина’, а определяющая часть происходит от *viha* ‘яд’. Название перенесено на боярышник с жостера или крушины.

(18) саам. *biika*||*skahpi* ‘боярышник однопетичный *Crataegus monogyna*’ [19, 44]

Букв. ‘рябина с шипами’; это несомненная калька финского названия боярышника *ora*||*pihlaja*. Разновидность *Crataegus monogyna* менее требователен к климатическим условиям, чем боярышник обыкновенный, потому распространен дальше на север.

Мордовские названия боярышника

(2) эрз. *боярка* < рус.; сюда же эрз. *бояронь умарина*, букв. ‘боярское яблоко’

(19) эрз. *нунолкай*

По-видимому, изначально – сложное слово, первая часть которого *нумол(о)* ‘заяц’, предположительно, *нумол*||*гай* ‘заячий звон’. Впоследствии название могло быть искажено.

Марийские названия боярышника

(20) *агытан*||*ора*

Букв. ‘петушиный шип’.

Слово *ора* в значении ‘шип’ не сохранилось в марийском языке, но наличие в нём слова *ора*||*нүй* ‘клык’ (точное соответствие фин. *ora*||*hammas*, вепс. *ora*||*hambaz*) доказывает его былое существование (ср. эрз. *уро* ‘то же’ и др.). В отношении номинации – это точное соответствие прибалтийско-финским сложным названиям шиповника (*Rosa canina*), также имеющего шипы, например, вепс. *kukoin*||*karang* (букв. ‘петушиный шип’). Сходно формируются и названия растений, имеющих шипы, в русском языке [12, 112–113].

Пермские названия боярышника

(2) коми зыр. *боярышник* < рус.

(21) удм. *amac*||*зырзон*

Букв. ‘петушиная отрыжка’. Мотивация затемнена; см. следующее гнездо.

(22) удм. *amac*||*зырзон, amac*||*зырйон, amac*||*зырзон*

Букв. ‘петушиная шпора’. В названии присутствует мотивация наличием шипов; по-видимому, первично по отношению к *amac*||*зырзон* (результат искажения). В Этимологическом словаре удмуртского языка происхождение названия не разъясняется [1, 129]. *Amac* ‘петух’ – татарское заимствование в удмуртский язык.

Крушина (*Rhamnus frangula* или *Rhamnus cathartica*)

Ареал крушины доходит на севере до Северного полярного круга, покрывая, таким образом, территории проживания всех народов, говорящих на языках финно-пермской ветви. Крушина может иметь форму кустарника либо дерева, что отражено в названиях: в сложных дендронимах в качестве детерминантов используются, соответственно, слова со значениями ‘куст’ и ‘дерево’.

Виды крушины различаются внешне не настолько, чтобы это нашло существенное отражение в фитонимии. По нашим наблюдениям, по крайней мере, прибалтийско-финские информанты плохо различают жостер слабительный и крушину ольховидную. Кроме того, крушину, которая обычно не образует в природе однородных зарослей, при номинации «путают» либо сравнивают с целым рядом других деревьев (см. ниже).

Прибалтийско-финские названия крушины

(36) фин. *paatsama, paatselma, paatsain, paattama, paahnama, pajahka, pajakka, pajahtin, pajasin, pajasti(n), pajat(s)in, pakastin, pakatsu, puatsam*||*puu, puatsan*||*puu*, кар. *pagač̄in, pakač̄in(a), pakač̄u, pakač̄im*||*puu*, кар. ливв. *pakač̄in, pakač̄im*(||*puu*), кар. люд. *pakač̄, pakatč̄m, pakač̄in*, ижор. *pātsā*||*pū*, вепс. (северный диал.) *pagač̄*||*pu, pagač̄im*||*pu*, эст. *paaks*||*puu, paaksma*||*puu, paaksed, paads, paadsep, paats, paats*||*puu, pahas*||*puu, pahaks*||*puu, pahakas*, вод. *bragattsi, bragattsi*||*puu, bragat(t)si*||*põðzaz, bragat(t)ši*||*puu, bragat(t)ši*||*põðzaz, brägattši, br(‘)ägätti, brägät(t)si*||*puu, brägättši*, лив. *pagāst*||*mōr’a*||*pū*

Указанные финские названия крушины относятся и к рябине. Лив. *pagāst*||*mōr’a*||*pū* относится также к рябине и водянике (шикше сибирской).

Этимология названий, относящихся к данному гнезду, не выяснена. Они имеются во всех прибалтийско-финских языках, что позволяет восстановить общеприбалтийско-финское **paŷatsma* [22, II, 284]. Вероятнее всего, с этим рядом следует сравнивать шв. *brake, brakved, bråk*||*buske*, норв. *brake* ‘крушина’ (см. водские фитонимы, в которых,

в силу особенностей языка, скопление согласных в начале слов более терпимо и потому сохранилось). Вряд ли водские фитонимы могут быть истолкованы как результат прибалтийско-финско-шведской контаминации. В таком случае прибалтийско-финские названия крушины имеют германское происхождение.

(23) фин. *aro*||*paatsama*

Букв. 'крушина сухого открытого места'.

(24) фин. *korpi*||*paatsama*

Букв. 'крушина чащи'.

Сравнение названий гнёзд (23) и (24) подтверждает относительную произвольность выбора признаков в номинации. В одной местности крушина более заметна на открытых местах, в другой – её заросли привлекают внимание в лесу и т. д. В данном случае названия относятся, конечно, к одному и тому же виду растения.

(25) фин. *hukan*||*marja*||*puu*, *suven*||*marja*||*puu*

Букв. 'дерево волчьей ягоды'.

(26) фин. *hullu*||*koiran*||*marja*

Букв. 'ягода бешеной собаки'.

(27) фин. *koira(n)*||*marja*||*puu*, вод. *koira*||*marja*||*puu*

Букв. 'дерево собачьей ягоды'.

(28) фин. *suven*||*pehko*

Букв. 'волчий куст'.

По поводу этих названий см. прибалтийско-финские названия калины, идентичные по мотивации, например, фин. *koiran*||*heisi*||*puu*, эст. *hundi*||*marja*, *koera*||*puu* (определяющие компоненты со значениями 'волк', 'собака' маркируют несъедобность ягод). Отметим, что компонент «волчий» особенно часто в ходит в состав названий крушины и в русском языке [5, 333–334; 11, 78–80].

(29) фин. *tyrnä*, *tirna*, эст. *türn*

Название может относиться также к карликовой берёзе, боярышнику и сосне (подробнее см. выше, в разделе «Боярышник»). Кроме того, в эстонских говорах встречается *kitse*||*türn* (*kitse*- 'козий'; об этой определяющей части см. ниже), *kikka*||*türn* (*kikka*- 'петушинный'), в составе которых *türn* выступает в качестве определения. Этот фитоним является германским заимствованием, см. ст.-исл. *þyrnir* 'некий колючий куст', шв. *törne* 'колючий куст', 'шиповник' [14, 572].

(30) эст. *hundi*||*õuna*||*puu*, *hundi*||*õunap*, также *hundi*||*uibu*

Букв. 'волчья яблоня'.

(31) эст. *karu*||*uibu*

Букв. 'медвежья яблоня'.

Названия волка и медведя в составе фитонима обычно маркирует их несъедобность, ядовитость.

(32) эст. *kihvti*||*mari*

Букв. 'ядовитая ягода'. Это название относится к ряду других растений (в частности, к бузине и паслёну), часть которых негативно воздействует на здоровье, и, скорее всего, перенесено с одного из таких растений.

(33) эст. *kikka*||*türn*, *kikka*||*türna*||*puu*

Букв. 'петушиная крушина (эст. *türn* относится и к другим растениям: карликовой берёзе, боярышнику, сосне)'.

(34) эст. *kise*

Название, по-видимому, стало результатом эллиптического отпадения определяемой части (< *kitse*||*puu*; *kise* < *kitse*).

(35) эст. *kitse*||*puu*, *kitsep*||*pu*

Букв. 'козье дерево'.

(36) эст. *kitse*||*puhm*

Букв. 'козий куст'.

(37) эст. *kitse*||*kuker*||*puu*

Букв. 'козий барбарис'.

(38) эст. *kitse*||*künnap*, *kitse*||*küinna*||*puu*, *kitse*||*kürnap*(||*puu*)

Букв. 'козий вяз'.

(39) эст. *kitse*||*lodjap*, *kitse*||*lodja*||*puu*

Букв. 'козья калина'.

Определяемый компонент *lodjap* (*lodja*||*puu*) в эстонском языке имеет значение 'калина' и, вероятнее всего, заимствован из русского языка, ср. русские диалектные названия боярышника и кизила – *глот*, *глот*, *глед*.

(40) эст. *kitse*||*toom*(||*puu*), *kitse*||*toome*, *kitse*||*tuum*

Букв. 'козья черёмуха'.

(41) эст. *kitse*||*türn*, *kitse*||*türn*||*puu*, *kitse*||*türna*||*puu*, *kitse*||*türnap*

Букв. 'козья крушина (эст. *türn* относится и к другим растениям, см. выше, раздел «Боярышник», гнездо 16)'. Вероятно, искажённое нем. *Kreuzdorn* 'крушина', подвергшееся действию народной этимологии.

(42) эст. *kitse*||*uibo*(||*puu*), *kitse*||*uibu*, *kitse*||*uipu*, также *kitse*||*õuna*||*puu*

Букв. 'козья яблоня'.

В эстонском языке сложные фитонимы, мотивированные названиями козы, весьма частотны. При этом подобная мотивация часто наблюдается в отношении растений (деревьев, кустарников), внешне схожих между собой и иногда имеющих одинаковые названия – крушины, боярышника и бузины. По-видимому, эти названия даны «от противного»

и призваны подчеркнуть непригодность растений для животноводства: крушина и бузина обладают сильным слабительным действием на организм человека и животных [3, 143].

(43) эст. *tomikas*

Данный фитоним образован суффиксацией от фитонима *toom(||puu)* ‘черёмуха’ (см. следующее гнездо).

(44) эст. *toom, toom||puu*

Эти эстонские названия гнезда относятся, в основном, к черёмухе; мы полагаем, что они могут быть эллиптическими по отношению к *kitse||toom||puu* ‘крушина’, то есть имел место следующий процесс: *toom||puu* ‘черёмуха’ → *kitse||toom(||puu)* ‘крушина’ → *toom||puu* ‘крушина’.

Применение названия *tooming(as)*, обычного для черёмухи, в отношении крушины нам неизвестно.

(45) эст. (*v*)*oho||paats, vðhu||paads* (южное наречие, вырусский диалект)

По-видимому, в данном случае, опираясь на этимологию других названий крушины в эстонском языке, следует сравнивать (*v*)*oho* с фин. *vuohi* ‘коза’. В таком случае, буквальное значение фитонима ‘козья крушина’.

Эстонские фитонимы, как и финские, связываются с образом волка, но чаще – с образом козы, причём крушина дополнительно сравнивается с похожими на неё деревьями (черёмуха, калина, вишня, яблоня и др.).

(46) вод. *mähtsä||marja* и *mähtsä||puu*

Эти названия крушины содержат слово *mähtsä* ‘каша’, ‘мезга’: *mähtsä||marja* = ‘каша|ягода’, а *mähtsä||puu* (букв. ‘каша|дерево’), по-видимому, представляет собой эллиптическую форму, вторичную по отношению к *mähtsä||marja||puu*. Номинация крушины в данном случае произведена по признаку консистенции спелых плодов, либо название перенесено с боярышника (см. соответствующий раздел).

(47) лив. *krūkliz* < латышск. *kruukle, kruuklisū*

Мордовские названия крушины

(48) эрз. *тинень||банст* (крушина ольховидная); эрз. *рiнеñ барс, рiнеñ парс (барс), рiниñ парс, мокш. рiнеñ парс, рiнəñ барс*

Относится также к паслёну чёрному *Solanum nigrum* и волчегороднику.

Пинень имеет значение ‘собачий’; второй компонент этимологически связан с глаголом *parškadoms* (в словаре Х. Паасонена [18]: ‘присесть, чтобы испражняться’).

(49) эрз. *верьгиз ленге* (крушина слабительная)

Букв. ‘волчий колокол’.

Эрз. *верьгиз ленге* может относиться также к волчьему лыку *Daphne mezereum*. Ясно, что никакого внешнего сходства между растениями нет; остаётся предположить, что сходными были их лечебные свойства. В названии они не отражены. Мокшанское соответствие *вьргаз ленгакс* относится к волчегороднику, таким образом, фитоним по своему происхождению общемордовский.

(50) эрз. *кискань умарь* (крушина слабительная)
Букв. ‘собачье яблоко’.

Это название также относится к волчьему лыку.

(51) мокш. *крушинакс* < рус. крушина

Марийские названия крушины

(52) мар. *пижедыльше||шудо*

Букв. ‘цепляющаяся трава’; в таком случае фитоним, по-видимому, относится к жостеру слабительному, имеющему, в отличие от крушины ломкой, шипы на концах веток.

(53) мар. *пий||вондо*

Букв. ‘собачий куст’.

(54) мар. *пий||ломбо*

Букв. ‘собачья черёмуха’. По-видимому, это калька чув. *йыта сёмрчэ* ‘крушина’, букв. ‘собачья черёмуха’; данная модель весьма распространена в тюркских языках, ср. тат. *эт шомырты*, башк. *эт муйылы*, узб. *ит||жумурт* [4, 193].

(55) мар. *пирь||вондо*

Букв. ‘волчий куст’.

Пермские названия крушины

(56) коми *жов, жо*

Основное значение фитонима – ‘калина’; название, очевидно, перенесено на крушину из-за внешней схожести растений.

(57) коми перм. *куль||льём* [8, 28]

Букв. ‘чёртова черёмуха’.

(58) коми *нюр||льём*

Букв. ‘болотная черёмуха’.

(59) коми *ош||льём*

Букв. ‘медвежья черёмуха’.

(60) удм. *пуны||льём||пу*

Букв. ‘собачья черёмуха’. Ср. марийское название (гнездо 54).

(61) удм. *сьод||льём||пу*

Букв. ‘чёрная черёмуха’.

Предыдущие сложные наименования (гнезда 57–61) основаны на сравнении крушины с похожим растением – черёмухой. В них значением ‘черёмуха’ обладает последний, определяемый компонент, в то время как определительные компоненты варьируются, указывая на непригодность растения в пищу (‘чёртова’, ‘медвежья’, ‘собачья’)

или на другие признаки растения ('болотная', 'чёрная').

(62) коми *ош||сэтёр, ош||сэтэр*

Букв. 'медвежья смородина'.

Финно-пермские названия боярышника образуют пёструю картину. Практически в каждом языке наблюдаются множество собственных названий, в большинстве случаев сложных по форме и этимологически прозрачных. К простым фитонимам относятся поздние заимствования из русского и шведского языков. Фрагментированность историко-этимологической картины названий боярышника в финно-пермских языках, является, по-видимому, результатом отсутствия исторически преемственной традиции его хозяйственного (пищевого, лекарственного либо иного) использования.

Названия крушины в финно-пермских языках также многочисленны (рассмотрено ок. 30 историко-этимологических гнезд). Среди лексико-семантических моделей, по которым образованы сложные названия крушины, преобладают включающие компоненты, указывающие на сравнение с целым рядом внешне похожих не её растений. В сложных фитонимах названия этих растений располагаются на месте определяемого компонента (значения: калина, черёмуха, реже – вишня, вяз, смородина, яблоня), например, эст. *kitse||õuna||puu*, букв. 'козья яблоня', удм. *пуны||льём||ну*, букв. 'собачья черёмуха'.

В качестве определяющего компонента в сложных названиях боярышника и крушины широко используются названия ряда животных (волка, медведя, собаки, козы), причём особенно часто – волка и собаки. В частности, в эстонском языке распространены сложные названия крушины, в которых определяющий компонент имеет значение «коза». Использование в названиях растений зоосемизмов чаще всего маркирует несъедобность, а названия волка и собаки (встречается и «бешеная собака») и возможный вред плодов для здоровья.

Некоторые прибалтийско-финские названия боярышника относятся не только к этому растению, но одновременно и к другим растениям, например, эст. *kihvti||mari*, букв. 'ядовитая ягода' относится к целому ряду растений, как безвредных для человека, так способных производить на его организм отрицательное воздействие (бузина, вороний глаз, паслён).

В прибалтийско-финских языках выделяется общее распространённое название крушины, вероятнее всего, заимствованное из скандинавских

языков, но в отдельных языках одновременно функционирует множество сложных по форме названий крушины, а также различные заимствования (из балтийских и германских языков). У боярышника такого общего наименования нет, и в каждом из прибалтийско-финских языков он имеет множество сложных названий. За пределами прибалтийско-финской ветви сложные названия боярышника и крушины, образованные на почве отдельных языков, безраздельно господствуют; при этом какого-либо общего древнего, исконного названия для указанных растений не существует. Из раннесредневековых заимствований отметим распространённое прибалтийско-финское название крушины, которое, по-видимому, имеет германское (скандинавское) происхождение. Встречаются и наименования русского происхождения (например, фин. *pojarka*, эрз. *боярка*, коми зыр. *боярышник*, мокш. *крушинакс* < рус. крушина).

Обсуждение и заключение

Подытоживая рассмотрение названий боярышника и крушины в финно-пермских языках, отметим некоторые важнейшие выводы, которые можно сделать из нашего исследования.

Кустарники имеют в финно-пермских языках множество различных названий, в которых проявляется богатство лексической номинации. Напротив, названия деревьев немногочисленны и являются общими для ряда родственных языков (например, в финском языке это *koivu* 'берёза', *kuusi* 'сосна', *paju* 'ива', *petäjä* 'сосна', *pihlaja* 'рябина', *salava* 'различные виды ивы'). В отличие от названий деревьев, названия кустарников в финно-пермских языках образованы, в основном, на почве отдельных языков, то есть являются поздними. Большинство таких названий являются сложными или составными по форме; также встречаются различные заимствования.

Сравнительное исследование названий растений в группе родственных между собой финно-пермских языков помогает детально исследовать морфологическую структуру, семантику, историю этих фитонимов и способы номинации растений. Результаты работы способствуют выяснению исторических обстоятельств формирования фитонимии в этих языках, а также некоторых общих закономерностей в номинации растений.

Материалы и выводы данной статьи могут быть использованы в дальнейших лингвистических исследованиях, в т. ч. лексикологических, диалектологических и лингвогеографических.

Список сокращений названий языков и диалектов

башк. – башкирский, вепс. – вепсский, вод. – водский, диал. – диалект, диалектный, др.-шв. – древне-шведский, ижор. – ижорский, кар. – карельские наречия (ливв. – ливвиковское, лод. – людиковское, собств. – собственно-карельское), латышск. – латышский, лив. – ливский, лит. – литовский, мар. – марийский (Л. – лугово-марийский, Г. – горномарийский), мокш. – мокшанский, морд. – мордовские языки, нем. – немецкий, норв. – норвежский; рус. – русский, саам. – саамский, ст.-исл. – старонорвежский, тат. – татарский, тюрк. – тюркские, узб. – узбекский, удм. – удмуртский, уральск. – уральский праязык, фин. – финский, чув. – чувашский, шв. – шведский, эрз. – эрзянский, эст. – эстонский

Список источников и литературы

1. Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988. 240 с.
2. Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб.: Наука, 2007. 210 с.
3. Демиденко Г. А. Фитолекарственные ресурсы. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного аграрного университета, 2020. 224 с.
4. Дмитриева Л. В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках. // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. С. 151–223.
5. Колосова В. Б. «Волчьи» растения в русских говорах: Материалы к словарю русских диалектных фитонимов. // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). СПб.: Нестор-история, 2020. С. 325–336.
6. Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры. Петрозаводск: Изд. КарНЦ РАН, 2007. 287 с.
7. Лобанова А. С. Этноконнотированная лексика коми-пермяцкого языка (на материале наименований флоры) // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Сб. ст. XI Международного симпозиума. / отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2018. С. 124–127.
8. Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина. Пермь: ПГНИУ, 2021. 116 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovary-a-komi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf>. (дата обращения: 17.06.2021).
9. Ракин А. Н. Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ). // Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1979. № 22. С. 129–164.
10. Ракин А. Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 88 с.
11. Словарь русских народных говоров. М., Л.: Наука, 1970. Вып. 5. 343 с.
12. Теуш О. А. Исконные наименования кустарника в диалектах Европейского севера России. // Известия Смоленского государственного университета. 2019. №4 (48). С. 107–122.
13. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 432 с.
14. Eesti etimoloogiasõnaraamat. Tallinn: Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 p.
15. Fischer J. B. Versuch einer Naturgeschichte von Livland. Königsberg: bei F. Nicolovius, 1791. 826 p.
16. Kolosova V., Svanberg I. and others. The bear in Eurasian plant names: motivations and models // Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine. 2017. Vol. 13. №. 14. doi: 10.1186/s13002-016-0132-9.
17. Kolosova V., Belichenko O., Rodionova A., Melnikov D., Soukand R. Foraging in Boreal Forest: Wild Food Plants of the Republic of Karelia, NW Russia // Foods. 2020. 9. № 1015. doi:10.3390/foods9081015.
18. Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch. I–VI. LSFU XXIII. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1990. 2703 p.
19. Sammallahti P. Sámi-suoma sátnegirji. Saamelais-suomalainen sanakirja. Ohcejohka: Jorgaleaddji OY., 1989. 527 p.
20. Sebestyén I. N. Fák és fás helyek régi nevei az uráli nyelvekben / Különnyomat a Nyelvtudományi közlemények LI–LII. Budapest: Hornyanszki Viktor R.–T. Nyomdai Müintézet, 1943. 111 p.
21. Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet // Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicæ Fennicæ Vanamo. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon OY, 1936. Vol. 7, №. 1. 465 p.
22. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I–III. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1992–2000. 1459 p.
23. Vilbaste G. Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised. 1993. Vol. 20. № 67. 708 p.

References

1. Alatyrev V. I. *Etimologicheskiy slovar' udmurtskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Udmurt language]. Izhevsk: NII pri SM UASSR Publ., 1988. 240 p. (In Russian)
2. Brodsky I. V. *Nazvaniya rastenij v finno-ugorskih yazykah (na materiale pribaltijsko-finskih i komi yazykov)* [Plant names in the Finno-Ugric languages (on the materials of the Baltic-Finnish and Komi languages)]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2007. 210 p. (In Russian)
3. Demidenko G. A. *Fitolekarstvennyye resursy* [Phyto-medicinal resources]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Publ., 2020. 224 p. (In Russian)
4. Dmitrieva L. V. *Nazvaniya rasteniy v tyurkskikh i drugikh altayskikh yazykakh* [Plant names in the Turkic and other Altaic languages]. *Ocherki sravnitel'noy leksikologii altayskikh yazykov* [Essays on comparative lexicology of the Altaic languages]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. pp. 151–223. (In Russian)

5. Kolosova V. B. «*Volch'i*» *rastenija v russkih govorah: Materialy k slovarju russkih dialektnyh fitonimov* [«Wolf» plants in Russian dialects: Materials to the dictionary of Russian dialectal plant names]. *Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov (materialy i issledovanija)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)]. Saint-Petersburg: «Nestor-istorija» Publ., 2020. pp. 325–336. (In Russian)
6. Koppaleva Ju. E. *Finskaja narodnaja leksika flory* [Finnish folk flora vocabulary]. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ., 2007. 287 p. (In Russian)
7. Lobanova A. S. *Etnokonnotirovannaya leksika komi-permyackogo yazyka (na materiale naimenovaniy flory)* [Ethno-connotated vocabulary of the Komi-Permyak language (on the material of the names of the flora)]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala. Sb. st. XI Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Linguistic contacts between the peoples of the Volga region and the Urals. Collection of articles of the XI International symposium]. Ed. by A. M. Ivanova, E. V. Fomin. Cheboksary: Izd-vo Chuvashskogo universiteta Publ., 2018. pp. 124–127. (In Russian)
8. *Materialy dlya slovarya komi-permyackih nazvanij rasteni* [Materials for the dictionary of the Komi-Permyak plant names]. Comp. by E. L. Fedoseeva, I. I. Rusinova, A. S. Lobanova, Yu. A. Shkuratok, A. V. Krotova-Garina. Perm: PGNIU Publ., 2021. 116 p. Available at: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarya-komi-permyackih-nazvanij-rasteni.pdf> (accessed June 17, 2021). (In Russian)
9. Rakin A. N. *Floristicheskaja terminologija komi jazyka (jetimologicheskij analiz)* [Floristic terminology of the Komi language (etymological analysis)]. *Trudy IYALI Komi filiala AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi branch of the Academy of Sciences of the USSR], 1979, no. 22, pp. 129–164. (In Russian)
10. Rakin A. N. *Kratkij komi-russkij, russko-komi botanicheskij slovar'* [Brief Komi-Russian, Russian-Komi botanical dictionary]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1989. 88 p. (In Russian, Komi)
11. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1970. Vol. 5. 343 p. (In Russian)
12. Teush O. A. *Iskonnye naimenovaniya kustarnika v dialektah Evropejskogo severa Rossii* [Original names of bushes in the dialects of the European North of Russia]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Smolensk State University], 2019, no. 4 (48), pp. 107–122. (In Russian)
13. Hajdu P. *Ural'skie jazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow: Progress Publ., 1985. 432 p. (In Russian)
14. *Eesti etimoloogiasõnaraamat*. Tallinn: Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 p. (In Estonian)
15. Fischer J. B. *Versuch einer Naturgeschichte von Livland*. Königsberg: bei F. Nicolovius, 1791. 826 p. (In German)
16. Kolosova V., Svanberg I. and others. The bear in Eurasian plant names: motivations and models. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 2017, no. 13 (14). DOI: 10.1186/s13002-016-0132-9. (In English)
17. Kolosova V., Belichenko O., Rodionova A., Melnikov D., Soukand R. Foraging in Boreal Forest: Wild Food Plants of the Republic of Karelia, NW Russia. *Foods*, 2020, no. 9 (1015). DOI: 10.3390/foods9081015. (In English)
18. Paasonens H. *Mordwinisches Wörterbuch*. I–VI. LSFU XXIII. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1990. 2703 p. (In German)
19. Sammallahti P. *Sámi-suoma sátnegirji. Saamelais-suomalainen sanakirja*. Ohcejohka: Jorgaleaddji OY, 1989. 527 p. (In Finnish, Sami)
20. Sebestyén I. N. Fák és fás helyek régi nevei az uráli nyelvekben. *Különnyomat a Nyelvtudományi közlemények LI–LII*. Budapest: Hornyanszki Viktor R.–T. Nyomdai Müintézet, 1943. 111 p. (In Hungarian)
21. Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet. *Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicæ Fennicæ Vanamo*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon OY, 1936. Vol. 7, no. 1. 465 p. (In Finnish)
22. *Suomen sanojen alkuperä*. I–III. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1992–2000. (In Finnish)
23. Vilbaste G. Eesti taimenimetused. *Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised*, 1993, no. 20(67), 708 p. (In Estonian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бродский Игорь Вадимович, доцент кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48), кандидат филологических наук.

kodima@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6267-9819

ABOUT THE AUTHOR

Brodsky Igor Vadimovich, Associate Professor of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature, Institute of the Peoples of the North, air of Uralic languages, folklore and literatures The A. Herzen State Pedagogical University of Russia of the Herzen State Pedagogical University of Russia (191186, Russian Federation, Saint-Petersburg, Moyka Emb., 48), Candidate of Philological Sciences.

kodima@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6267-9819